

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Франк Тилье

В СЕРИИ «ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА»

Адский поезд для Красного Ангела

Комната мертвых

Медовый траур

Фантомная память

Монреальский синдром

Головокружение

Гатака

Атомка

ФРАНК ТИЛЬЕ

ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Т 40

Frank Thilliez
VERTIGE

Published originally under the title "VERTIGE"
Copyright © 2011, Fleuve Noir, Département d'Univers Poche

Перевод с французского Ольги Егоровой

Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

ISBN 978-5-389-08452-0

© О. Егорова, перевод, 2015
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2015
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Валери и нашим детям

Здравствуй, тьма, мой старый друг,
Я снова пришел поговорить с тобой.

Саймон и Гарфункель

Мы существуем, только когда нас
сфотографируют.

Хорхе Луис Борхес

1

Безумие не отозвалось бы так гулко. Хорошенько запомните этот металлический звон. Пока он будет звучать у вас в голове, он будет доказывать, что вы не сошли с ума.

Тьма

Тьма повсюду.

Минут десять я пытаюсь пошевелиться, но не могу. Дома я всегда слышал шум машин за окном нашей спальни. А тут — ничего. Ни звука мотора, ни голосов. Хотя нет, откуда-то доносился свист. Ветер... Где-то стонал ветер.

Где я?

Надо постараться восстановить события, включить память. Вчера вечером я сидел в больнице у Франсуазы. Помню, что в палате было очень жарко и я почувствовал себя плохо. Потом... потом я съел какую-то мерзкую бурду и оставался в палате у жены, пока не кончилось время посещения. Когда я вышел, меня подташнивало. Возвращение домой в Аннеси. Поздно. Перед тем как в одиночестве улечься в нашу просторную и теплую кровать, я оторвал листок календаря.

25 февраля 2010 года. Самый разгар зимы.

А проснулся я на чем-то жестком, то ли окоченевший, то ли парализованный.

Шевельнулся большой палец на правой руке. Согнулся, потом разогнулся. Теперь пальцы на ногах. Вро-

де и связки начали сокращаться одна за другой, и мышцы. Дрогнули веки. На радостях я принялся моргать без остановки. Открыть, закрыть, открыть, закрыть... Похоже, я оживаю. Через пару минут мне, наверное, удастся оторвать от земли свои семьдесят кило и разобраться, что происходит.

Но внезапно я снова замираю от нового звука. От позвякивания, сопровождающего каждое движение моего запястья. Вслепую, преодолевая приступы дурноты, я приподнимаюсь и щупаю.

Правая кисть перехвачена шершавым кольцом.

Как бы нелепо и нереально это ни выглядело, но, похоже, я закован.

Знаешь, мама, я никогда в жизни не видел такого страшного места, как это¹. Представь себе унылое плато, которое все время дуют ледяные ветра, и температура там может понизиться до минус шестидесяти. Оно занимает широкую расщелину между склонами Лхоцзе и Эвереста. Его восточная оконечность нависает на высоте две тысячи метров над спускающимся к Тибету Кангчугом, а западная на высоте тысяча двести метров переходит в ущелье. Здесь только скалы и льды, даже снега нет, потому что его сдувает ветер. Сейчас ветер бьется в стенку моей палатки. Скоро я погашу фонарик и стану думать о тебе.

Видишь, свобода существует на свете. Она кажется нам недостижимой, и именно это делает ее такой драгоценной. А я сейчас вдыхаю ее полной грудью. Завтра выйдем на вершину. У меня с собой вымпел.

Во всяком случае, если на нашей старушке Земле и есть место менее гостеприимное, чем это, я надеюсь туда никогда не попасть.

Письмо Жонатана Тувье к матери от 13 мая 1986 года. Четвертый лагерь на высоте 7925, южная стена Эвереста

Каска... Шланг... Баллон...

Большой палец скользнул по колестику зажигалки, и вот уже желтый язычок пламени заплясал перед металлическим рожком. Тихое шипение — и газ загорелся. Пламя разрослось и поголубело.

Вот и свет.

У меня на голове каска, и от встроенного в нее отражателя к стенке красной палатки тянется золотистый конус. Во рту мерзко, язык не шевелится. Наверное,

¹ Причиной многих ошибок и искажений являются холод и недостаток кислорода, из-за которых на этой высоте возможности мозга сокращаются на тридцать процентов. *(Примеч. авт.)*

прежде, чем привезти сюда и приковать, меня накачали какой-то дрянью. Пока я спал, мне на голову надели налобный фонарь с рефлектором, каким пользуются спелеологи. Рядом лежал баллончик с ацетиленом, соединенный шлангом с каской. На мне была шерстяная рубаха в клетку, штаны на теплой подкладке, пуловер, пуховик, толстые зеленые носки и походные ботинки. Не в силах поверить во все это, щиплю себя. Позвякивание цепи напоминает мне, насколько все реально.

Среди всякой всячины, разбросанной в полном беспорядке по моему полотняному узилищу, я обнаружил две пары старых нейлоновых рукавиц, два потрепанных спальника, два махровых полотенца — то ли белых, то ли желтых, при искусственном освещении не разберешь, — и металлический ящик с висячим замком, который открывался комбинацией из шести цифр. Тут сработал рефлекс бывалого бойца, и я попытался найти воду или еду, но безуспешно. Тогда глаза мои снова уставились на спальники. Почему их два? И почему две пары рукавиц?

— Франсуаза! Клэр!

Да нет, нет. Моя дочь Клэр где-то в Турции, на практике от школы макияжа и спецэффектов. Франсуаза лежит в больнице. Пока мысли о них проносились в моей голове, снаружи на мое временное пристанище начало что-то медленно капать. Похоже, дождь.

Я подышал в ладони, стараясь их согреть, и с ужасом заметил, что исчезло серебряное обручальное кольцо. Глаза мои заметались по синему коремату¹ на дне палатки. Кольцо вот уже восемнадцать лет не покида-

¹ Корематом туристы и альпинисты называют коврик из пенополиуретана, который подкладывают под спальный мешок. Есть еще название: пенка или пеночка. *(Здесь и далее примеч. перев.)*

ло пальца даже в самые трудные моменты, и проще было отрезать мне руку, чем отнять его. А сейчас кто-то осмелился украсть у меня кольцо? По какому праву?

На правой руке болталась цепь из массивных звеньев, запястье охватывал железный браслет с огромным замком. Я ухватился за замок и дернул изо всех сил. Никакого эффекта. Постепенно мое пятидесятилетнее тело вновь обретало чувствительность. Снизу, под плотной пенкой, угадывалась неровная и жесткая поверхность. Сзади, в углу палатки, стоял проигрыватель с двумя пластинками. На сорок пять оборотов, насколько я заметил.

Я с трудом поднялся на четвереньки, все тело болело. Фонарь у меня на каске освещал только то место, куда я поворачивал голову. Страшный сон продолжался. Названия на конвертах пластинок: «Птицы вашего сада. 24 записи» и «Wonderful World» Луи Армстронга.

Я ничего не понимал. Что до проигрывателя, то это был, скорее, электрофон, из тех, на котором в детстве я слушал сказки Перро и братьев Grimm. Рядом лежал ушной¹ термометр и старый поляроид. Пять кадров из шести были уже использованы, оставалось только щелкнуть последний. Ерунда какая-то, бессмыслица. Все эти предметы не вязались друг с другом, и цепь у меня на руке с ними не вязалась, да и вся ситуация сама по себе ни с чем не вязалась.

Стало так холодно, что пришлось сунуть руки в серые рукавицы. Я встал на ноги — в этом кошмаре вскочишь, — поднял ацетиленовый баллон и застегнул молнию. Резкий металлический звук всколыхнул мно-

¹ Ушные термометры удобны, чтобы измерять температуру, не расстегивая и не снимая одежды — например, на высоте, на холоде. Они маленькие и умещаются в небольшой карман.

жество воспоминаний. Проснуться дикарем, под случайным кровом... Головокружение от неизвестности... Высоко в горах... Все это было так давно.

Я выбрался из палатки в ожидании, что увижу какое-то новое место, совсем чужое, но живое. Но снаружи вообще ничего не было. Ни границ, ни оттенков, ни переднего плана, ни заднего. Одна тьма. Единственным источником света был мой налобник. В голове у меня сразу возник образ погруженного в океанскую пучину батискафа, с его слабыми желтыми огнями. Я огляделся, но не увидел ничего, кроме скалы, палатки со старыми креплениями и какого-то темного пятна между камнями.

Я осторожно двинулся с места. Темное пятно обрело резкость. С того места, где *оно* находилось, ритмично поднимались облачка пара.

Оно было живое.

Э

Человеческий организм на шестьдесят-семьдесят процентов состоит из воды. При ежедневном рационе в 3500 калорий необходимо выпивать 3,5 литра воды, и только тогда вода составит резерв организма.

Выживание при любых условиях. Книга, написанная Максом Бекон, партнером по восхождениям и другом Жонатана Тувье

Я ускорил шаг. Внутри все замерло и напряглось.

Левое ухо порвано, сухая костистая голова, ножничный прикус... Ну конечно, это он, Покхара. Я нагнулся и прижал его к себе. Мой пес жив.

— Все в порядке, Пок, все в порядке...

Я догадывался, как ему страшно. Чехословацкие овчарки вообще не любят новой обстановки. Я ласково его погладил, стараясь успокоить. У него изо рта шла пена, — видимо, его тоже чем-то накачали. Выпрямившись, я испытал постыдное облегчение: мой пес со мной, я не один.

Я решил двигаться по звеньям своей цепи. Почва под ногами черная и мокрая. Вроде бы идешь вперед, а на самом деле соскальзываешь назад. Покхара постепенно исчезал из виду: света было мало. Ведь собака — живой гимн свободе. Зачем же было его тащить сюда вместе со мной?

Метров десять я прошел по твердой гладкой поверхности. Потом ступать стало мягче. У подножия высокой

скалы похрустывала заледеневшая грязь. Справа от меня конус света сразу уперся в отвесную стену. Я поднял голову, и налобник осветил ледяные и известковые сталактиты, висящие на высоте метров семи. Таких огромных сталактитов мне видеть еще не приходилось. Ну и местечко... Словно разинутая пасть какого-нибудь монстра из фантастического романа.

Я быстро прикинул, что если под ногами грязь, значит лед обтекает вниз. А если лед обтекает или падает, значит есть вода. Хорошая новость... Как говорится, приговоренному объявили, что его казнят не завтра, а послезавтра.

Ну вот я добрался до конца цепи, точнее, до ее начала. Цепь намертво закреплена колом, вбитым в скалу, и выдернуть ее невозможно. Я попытался постучать по камню: вдруг кусочек отколется? Звук вышел громкий, но ничего не откололось. Скалу обработали со знанием дела, можно сказать, хирургически. С ней справиться разве что отбойный молоток.

У ацетиленового баллона имелись серые ремешки, я закрепил его на спине и двинулся вдоль стены направо. Мой взгляд, моя жизнь — все сейчас сосредоточилось в этом пучке янтарного света от налобного фонаря. Слух чутко реагировал на каждый шорох, на каждую упавшую каплю. Нос вдыхал сырость и специфический запах мокрого известняка.

Цепь, скорее всего, была длиной метров двадцать. Я опустил голову и осторожно пошел дальше. Впереди проступали пласты округлых минералов — «почек», прозрачного растрескавшегося льда и обломков кварца и полевого шпата. Этот «декор» мог бы смотреться красиво, не будь он таким кошмарным.

Наверное, я бредил, потому что прямо перед собой вдруг увидел отвесную стену из чистого льда. Она поднималась, словно исполинская волна, готовая вот-вот обрушиться и поглотить тебя, точно челюсти. Наверное, она тысячелетиями нарастала от влаги, холода и конденсата. Фонарь просвечивал ее вглубь, и она отливала дивной синевой. Подземные ледники образуются на большой глубине, не меньше тридцати-сорока метров. Там, куда никогда не проникают и не смогут проникнуть солнечные лучи.

— Довольно! Хватит, в конце концов! Выпустите меня!

Я сделал полукруг и снова оказался возле красной палатки. Где-то завывал ветер. Покхара не двигался. В груди у него что-то похрустывало. Я долго смотрел на него и соображал, что если воду я нашел — ледяные куски так или иначе можно растопить, — то пищи нигде не обнаружил. Покхара — чехословацкий влчак¹, и он скорее волк, чем собака, после того как четыре года назад его сильно избили. Я его знаю как самого себя. Первое, что он сделает, очнувшись, — это примется искать еду.

Снова оставив его, я отправился в другую сторону и, подняв голову, различил в вышине камин², который уходил в никуда и терялся в темноте. На высоте пяти-шести метров проход был прямым и широким и постепенно сужался до размеров кошачьей лазейки.

¹ *Чехословацкий влчак* — помесь волка и собаки, порода, выведенная искусственно и вобравшая в себя характерные черты как волка, так и собаки. Влчак — собака одного хозяина, отличается верностью и к чужим относится с недоверием.

² Камин в альпинизме называется узкий вертикальный лаз в скале. Камин проходится, чаще всего, в распор, и рюкзак приходится спускать или поднимать отдельно.

— Эй! На помощь! На помощь!

Мои слова гулко раскатились во все стороны. Здесь все резонировало, да еще каждый звук усиливался. Желудок свело, и я согнулся пополам, — думал, меня вот-вот вывернет наизнанку. Но все обошлось. Я снова пошел вперед, цепь натянулась до предела, и мои ступни оказались перед нарисованной на земле красной линией. Краска давно высохла... Линия шла вправо-влево и изгибалась, очерчивая круг. Очевидно, это граница моей территории. Тюрьма в тюрьме. Я сосредоточился. Нарисованная линия, термометр, фотоаппарат, виниловые пластинки... На первый взгляд никакой логики... Я двинулся влево. Мои ноги ступали в сантиметре от красной линии, но пересечь ее я не мог. Впереди виднелись еще стены, а прямо передо мной в скале зияла дыра. Ход, напоминавший просторную галерею, которая сразу же сворачивала в сторону. Может, там разгадка моей несвободы? Может, за этим неприступным лазом лежит простая и прямая дорога наверх?

Почти бегом бросился я обследовать оставшийся участок и оказался перед глубокой шахтой. Я осторожно наклонился над ней и почувствовал струю воздуха. Ледяной воздушный поток устремлялся вниз, наводя на мысль, что где-то в глубине имеется еще одно огромное подземелье. Я оцепенел. Луч света из фонаря не достигал дна, огонь в горелке потрескивал и дрожал на воющем ветру. Наверное, эта поющая о смерти пасть не имеет конца и уходит к самому сердцу планеты.

С носа у меня стекла капля. Холод усиливался. Я снова двинулся вперед, и световой круг снова высветил нечто невообразимое. Я поморгал десять, пятнадцать, двадцать раз.

Оно по-прежнему было там.

Совершенно подавленный, я принялся потихоньку подкрадываться. По ту сторону красной линии, возле скалы, неподвижно лежал человек, слабо шевелился только его застывший от холода большой палец. У ног незнакомца виднелся конверт.

Цепи на человеке не было.

Но его голову и лицо целиком скрывала черная металлическая маска.

4

Я старался вести счет дням. Я пытался также вспомнить из всего, что раньше читал, сколько времени человек может выдержать без еды и питья. От жары меня одолевали головные боли, часто охватывало самое мрачное отчаяние, и я смотрел на нас как на шестерых осужденных, идущих на неизбежную смерть. Каждое утро, когда просытался, одна и та же мысль приходила в голову: чья очередь?¹

Славомир Равич. Форсированным маршем (1956). Этот фрагмент текста Жонатан Тувье подчеркнул много лет назад

В день смерти моего компаньона по восхождению Макса Бека я нашел на биваке его фотоаппарат, «лейку» в черно-сером корпусе. Мне никогда не приходило в голову проявить пленку, она все время со мной, надежно спрятанная в шкатулке с замками-застежками. Иногда я уединяюсь на чердаке, достаю ее и просто смотрю. Она рассказывает о последних годах наших восхождений с тем, кто долго был моим лучшим другом. Порой сила воображения дает больше, чем долгие описания или зарисовки.

И она, несомненно, бесконечно более разрушительна.

Вот и теперь мгновенно запечатленный образ распростертого на дне пропасти существа в маске вполне мог бы пополнить мою воображаемую коллекцию ужасов. Его можно было бы поместить рядом с Франсуа-

¹ Перевод В. Наумовой.

зой на больничной койке, с ее окончательно облысевшей головой.

Человек в желтом круге света с трудом приподнялся и потрогал маску. Кончики пальцев нащупали огромный замок, висящий на затылке. Он напрягся, потом разозлился и быстро отполз на локтях к самой стене.

— Вы кто? Что это со мной сделали? Где я?

Я понял, что мой налобник его слепит, и чуть отвернул голову, не теряя незнакомца из виду.

— Я Жонатан Тувье. Где мы, я не знаю. Но похоже, в какой-то пропасти. Я очнулся тут, так же как и вы, без движения. Сколько времени прошло, я тоже не знаю. Наверное, нам вкололи снотворное или какой-то наркотик.

— Снотворное? В пропасти? Но... но...

Голос у него был странный, искаженный, в маске он звучал гулко, словно человек говорил в тубу. Он снова повалился на землю, пытаясь стащить с головы похожую на шлем маску.

— Успокойтесь, ладно? Давайте разберемся по порядку. Вы видели того, кто вас сюда притащил?

— Нет.

— Скажите, кто вы.

Он поднялся, но тут же снова чуть не упал. Видимо, он тоже получил изрядную дозу. Ростом он выше меня и на вид гораздо крепче. И одежда на нем походила на мою, вот только эта жуткая маска и голос...

— Меня зовут Мишель Маркиз.

Его имя мне незнакомо. На безымянном пальце у него обручальное кольцо, тоненький золотой обруч. На другой руке не хватало нескольких пальцев.

— Вы живете в Аннеси?

— Нет, в Альбервиле.

Альбервиль? Неблизкий конец от моего дома. Незнакомец повертел головой, оглядываясь вокруг, и направился к шахте:

— Наверное, нам ввели что-то прямо в кровь?

Стараясь не пересечь красную линию — он находился за ней, вне моей досягаемости, — он протянул мне большой пустой шприц. Я стал его внимательно осматривать, держа в рукавицах:

— Возможно.

— А что за штука у меня на лице?

— Что-то... вроде маски, железной маски.

— Железной маски? А ее можно снять?

Я засунул шприц в карман.

— Не похожеже... Она охватывает всю вашу голову. Волосы, уши... Все...

— Но... зачем? Зачем ее на меня напялили?

— У меня такое впечатление, что от нас чего-то ждут.

Я указал на конверт, лежащий неподалеку от того места, где я обнаружил человека в маске.

— Там конверт... Сходите за ним.

Он как-то странно на меня взглянул. В дрожащем свете налобника его маска меня пугала. Она была сварена из болтов и металлических пластинок, для глаз, носа и рта прорезаны узкие щелки, а уши закрыты полностью. Наверное, она весила немало. Мишель повернулся спиной, и у меня снова перехватило дыхание.

— У вас на спине...

Он остановился и снова на меня посмотрел:

— Что — на спине?

— К вашей куртке пришит лоскуток белой ткани, и на нем написано: «Кто будет воров?»

Он стащил с себя куртку и убедился, что я не вру. Тут у меня зародилось подозрение. Я быстро снял куртку. И на моей тоже красовался лоскуток белой ткани с надписью.

— «Кто будет лжецом?»

Это произнес Мишель, сжав кулаки.

— Что означают эти фразы?

Он не двигался с места, но наконец, видя, что я не отвечаю, пошел за конвертом. Стараясь не приближаться, Мишель издали мне его протянул:

— Держите, у вас свет.

Я вскрыл конверт и достал письмо:

— Напечатано на компьютере. Итак: *«На одном из вас железная маска с замком. Под этой металлической конструкцией, как раз над черепом, находится...»*

Я остановился и грустно взглянул на Мишеля. Потом откашлялся и продолжил:

— *«...находится заряд взрывчатки, снабженный механизмом, который приведет ее в действие в случае, если вы отойдете дальше чем на пятьдесят метров от ваших...»*

Пораженный, я снова умолк и огляделся. Черт возьми, сколько же нас здесь? Мишель отшатнулся, схватившись руками за голову. Я не видел его лица, но думаю, на нем сейчас было выражение, как у человека, окруженного стаей волков.

— Продолжайте...

— *«...дальше чем на пятьдесят метров от ВАШИХ спутников, прикованных цепями. Заряд крошечный, всего несколько граммов, но его хватит, чтобы продырявить вам череп.»*

Так что отныне вы объединены опасностью. Кроме меня, никто не знает, где вы, а я оттуда, где нахожусь,

не смогу оказать вам никакой помощи. Поверьте мне, вас никогда не найдут. Примите как данность, что вы все умрете. Все дело в том, сколько вы сможете продержаться. И во имя чего».

Вы все умрете. В моем мозгу тут же всплыло воспоминание о глубочайшем ужасе, какой мне довелось пережить когда-нибудь в жизни. Меня засыпало лавиной, я задыхался и постепенно угасал. Это состояние называют медленной смертью. Похоже, мы крупно влипли. Я сложил письмо. Внутри была пустота. Мишель сидел сторбившись, зажав руки коленями. Я пристально на него взглянул:

— Это письмо вам о чем-нибудь говорит? Для вас есть в нем хоть какой-то смысл?

После каждого слова изо рта вылетало облачко пара, тут же растворяясь в пустоте, и это было отвратительно.

— Говорит ли оно мне о чем-нибудь? Пожалуй, говорит... У меня бомба на башке, так ведь там сказано?

Неожиданно громкий воющий лай заставил нас вздрогнуть. Он раздавался словно отовсюду. Я обернулся и бросился к палатке, в голосе моего пса послышались угрожающие нотки. Узнаю его стиль: это сигнал о неизбежном нападении.

— Покхара! Пок!

Я подлетел к палатке, скребя цепью по земле. Собаки не было. Снова рычание: оно слышится отовсюду и одновременно ниоткуда. Мишель не отставал от меня, но резко замер, когда я обернулся и сделал ему предостерегающий жест рукой.

— Оставайтесь там!

— Один, в темноте? Ну уж нет! Я с вами. Только не говорите, что здесь еще и собака!

— Это моя собака.

В свете фонаря Покхара резко вскочил. Мне уже приходилось его видеть в таком состоянии: шерсть дыбом, весь во власти дикого инстинкта. Я одним прыжком подлетел к нему и навалился сверху. Он коротко дернул носом, явно меня узнав, но остался в том же напряжении. Тогда я, вслед за ним, поднял глаза.

Еще один. И он нас видит. С двухметровой высоты на нас таращились маленькие круглые глаза. Еще один клон, одетый, как и мы. Железной маски на нем не было, зато на правой лодыжке такая же цепь, как у меня. Он сидел на карнизе, которого я не заметил при первом осмотре территории.

Когда он повернулся, чтобы слезть, я увидел у него на спине тот же клочок белой ткани с надписью:

«Кто будет убийцей?»

5

Несомненно, мечта о блинчике — это всего лишь мечта, а не блинчик. А вот мечта о путешествии — это всегда путешествие.

Высказывание Марека Хальтера, которое Жонатан Тувье любил повторять, сидя в палатке в экспедиции

Мишель и мы с Поком подошли к палатке. Я был вынужден держать пса и все время его успокаивать, потому что он все норовил броситься на парня, который гремел цепью. Пок воспринимал это как угрозу. В обычной обстановке Пок довольно миролюбив. Фарид — Фарид Умад, так звали парня, — пытался разбить цепь о каменную стену. Я думаю, это нелучший способ справиться с ситуацией. Неистовство, рефлексия, гнев... А результат один: мы все оказались здесь, в подземелье, в плену, с нацепленными на спину жуткими надписями.

У меня за спиной послышался звук расстегиваемой молнии. Мишель, согнувшись, полез в палатку. Из нас троих он был самым высоким и массивным.

— Можете посветить? Ни черта не видно.

— Секундочку...

Я выпустил Пока и подошел к Фариду. Внешне он чем-то походил на меня. Вжавшись лицом в скалу, он казался скалолазом на маршруте свободного лазания: заостренные скулы, подбородок опирается о карниз, запавшие глаза глядят пристально, не мигая. Фарид Умад... Я готов был отдать руку на отсечение, что ему

не больше двадцати. Интересно, смешение каких кровей дало такие прекрасные голубые глаза? Ведь у арабов это большая редкость.

— Пойдем в палатку. Попробуем хотя бы разобраться, что происходит.

— Что происходит? А я вам скажу, что происходит. Нас похоронили заживо. Вы ведь это мне только что прочли?

Я потрогал письмо у себя в кармане:

— Насчет цепи я уже все перепробовал. Бесплезно. Ладно, пошли.

— А ваш пес? Чего он на меня рычит? Не любит арабов?

— Он тебе ничего не сделает.

— Хорошо бы... Только не это... — Фарид подошел, вызываяще коснувшись Пока.

Пес заворчал, но не пошевелился. Фарид нырнул в палатку. Этот паренек, хоть и невелик ростом — не выше 165 сантиметров — и явно в весе пера, но энергии ему не занимать. Я испугался, как бы он не наэлектризовал нашу компанию.

Я приказал Поку лежать и тоже вошел в палатку. Она была просторная, метра четыре в длину и два в ширину. Как и наши цепи, ее колышки были вбиты в скалу.

Фарид замахал руками у меня перед носом:

— А перчатки? Где мои перчатки?

— Сожалею, но здесь только две пары.

— Только две? Но нас ведь трое?

Мишель ничего не сказал, только натянул на руки рукавицы и забрал себе спальник, сунув его под мышку. Фарид схватил металлический ящик с кодовым замком и встряхнул:

— А что там?

— Посмотри сам.

Я, естественно, говорил ему «ты», ведь он годился мне в сыновья. Я тоже потряс ящик. Он явно тяжелее, чем если бы был пустым, и какой-то предмет внутри его ударялся обо что-то мягкое. Что же до замка... Пожалуй, через некоторое время я размочу его камнем... В худшем случае нам останется подобрать комбинацию цифр. Их шесть... Значит, миллион вариантов... Невозможно.

— Понятия не имею, что там.

Он выхватил ящик у меня из рук, вышел из палатки и принялся швырять его о скалу. Два раза, три... На сейфе даже царапины не появилось.

Фарид вернулся в палатку и властно щелкнул пальцами:

— Письмо... Прочтите-ка мне это чертово письмо.

Я протянул ему письмо, стараясь угадать в его взгляде хоть искру, которая подсказала бы мне, что я знаю этого неведомого мне паренька. Прошло несколько секунд, и он прижимает письмо к моей груди:

— Что вы такое сделали, чтобы я здесь оказался?

Я осторожно положил шприц возле стенки палатки.

— Сдается мне, ты меня невзлюбил. Почему?

— Почему? У вас фонарь, перчатки, у вас цепь длиннее, чем у меня, и у вас собака. Вот почему!

Подошел Мишель. Он так и не расстался со спальником, и у меня возникло подозрение, что он вообще собрался надеть его на себя и в нем ходить.

— Это верно. Зачем здесь собака? У меня тоже дома собака. Почему только у вас такая привилегия?

— Вы называете это привилегией?

— В такой дыре — конечно да.

Тилье Ф.

Т 40 Головокружение : роман / Франк Тилье ; пер. с фр. О. Егоровой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2018. — 320 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-08452-0

В новом триллере Франка Тилье «Головокружение» писателю удается создать ледяную и одновременно удушающую атмосферу захлопнувшейся ловушки. Герой романа альпинист Жонатан Тувье, покоривший главные вершины планеты, проснувшись однажды ночью, вдруг обнаруживает, что прикован к скале в странной пещере, выход из которой завален. Вокруг холод, лед, тьма, рядом его пес и два незнакомца: один, как и Тувье, прикован цепью к скале, другой может передвигаться, но на нем железная маска с кодовым замком, которая взорвется, если он в поисках спасения переступит красную линию. Невольные узники теряются в догадках: каким образом и из-за чего они оказались здесь, кто манипулирует ими? Но главный вопрос звучит так: до какой степени отчаяния и озверения способен пойти человек, чтобы выжить?..

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ФРАНК ТИЛЬЕ
ГОЛОВОКРУЖЕНИЕ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Редактор Мария Брусовани
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Ирина Киселева, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 09.01.2018. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 20. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60
E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах
на сайтах: www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

Y-RBD-16458-03-R